

Катя Капович поэт удивительный! Её стихи – колоссальное полотно, представляющее собой объёмные картины жизни, сюжеты, события... И всё это воплощается, на поверхностный взгляд, очень простыми словами. Кажущаяся лёгкость. Эта подборка открывается стихотворением «Генералы песчаных карьеров», отсылая своим названием к роману Жоржи Амаду и художественному фильму по мотивам романа. У каждого поколения, независимо от географических реалий, есть свои “песчаные карьеры”. Свои неприкаемые герои, не принимающие этого мира, переживающие свои невзгоды, свои драмы и трагедии. Утопая в этих песках, бредут они, вынужденные драться за выживание, совершая ошибки, поступки, о которых, возможно, жалеют. Их души спасает только любовь, прекрасная, сохраняющая чистоту настоящего чувства, несмотря на мрак окружающей жизни. У поэта обострённое внимание к деталям, живая память о событиях. Поэт точными мазками-образами создаёт портрет своего времени, пишет повесть своего поколения, пишет реальную историю своей и нашей с вами любви и жизни, не давая зыбучим пескам забвения засыпать их.

Д. Ч.

ГЕНЕРАЛЫ ПЕСЧАНЫХ КАРЬЕРОВ

В тот день с развалин Херсонеса
все тропы к пристани вели,

И малолетка, поэтесса,
я тоже в море корабли
считала на краю земли,
и волны, салютуя, шли
из Севастополя в Одессу,
как гладиаторы в пыли.

Географический кружок
отпраздновал конец сезона.
Тебя я вижу, мой дружок,
в трусах входящим в море оно;
ты удочку отводишь вбок,
и, словно ветряной пропеллер,
на солнце крутится «бычок».
Ах, солнца красный поплавок,
ах, счастья сирого глоток –
ведь было же на самом деле.

В начальных числах сентября
чернильной радугой заря
на побережье красит воду,
в час, как поднимут якоря,
и отодвинется земля,
мы поплывём среди природы.
И за кормою корабля
три чайки бросятся из стаи,
за волнорез нас провожая
навек в далекие края.

Вода вокруг была кругла,
и ржавый якорь в ржавой дверце
густая тина облекла,
как будто капилляры – сердце.
Вокруг щемящесть бытия,
и никуда уже не деться,
что мы на свете лишь друзья.
Сейчас он скинет полотенце
с глаз. И его увижу я.

Мы с ним дружили тыщу лет,
прикинь, в смешных веснушках кожа,
плюс глаз томящий полусвет,
скорей на полугъму похожий –

вот перечень его примет.
Он вам знаком. И да, и нет.
Мне тоже, но любим до дрожи.

Как описать любви лицо?
На свете много есть полезной
и важной дребедени, но
я помню ночь в каюте тесной,
как мы целуемся тайком
меж двух темнот – морскою бездною
и звёздной бездною небесной
под храп товарищей кругом.

Пятнадцать стукнуло нам. Страх
и страсть играли с нами в жмурки.
В запекшихся сухих губах
горели мокрые окурки,
и, чтоб никто, никто, никто
не заподозрил, мы в ведро,
ставшив из капитанской рубки,
налили с щедростью вино.
Поныне с ясностью тлетворной
я помню, как меня рвало
потом во тьме ночной уборной.

Конец каникул. Глупый рок,
напрасно руки потирая,
вещает грустный эпилог,
его не будет, обещаю.
А будет счастье без конца,
навек без конца и края,
когда лиманская коса
найдёт на каменные сваи,
на якорь встанет пароход,
учитель прокричит: «Проснулись,
сдаём постели и – вперёд!»
Да, ужас. Но не сильный ужас.

Тревожен след от пятерни
на заспанной щеке. Вот здесь-то
на льду казённой простыни,
песочного касаясь теста
твоей веснушчатой спины,
любовь я опознаю честно.

Она всегда с лица бледна
и на носу веснушки детства,
а за бортом шумит волна,
за голубою занавеской.
И на песке открытым текстом
рисует наши имена.

* * *

Я от тебя уже не отвернусь
и прошлые обиды позабуду,
пройдя по той же улице, вернусь
в последнюю прощальную минуточку.

Когда твоё открытое окно
под шторой выплывает из тумана
и около подъезда домино
раскладывают те же ветераны.

По лестнице взлечу на твой этаж
в той юношеской радостной манере –
на первый, на второй, на третий марш
и алгеброй гармонию поверю.

Ты будешь ждать меня в пустых дверях,
которые не низки, не высоки,
и нам простится ветер в головах,
когда я встану на твоём пороге.

* * *

В пору солнечных каникул
неземные снятся сны,
много маленьких калигул
в сумерках одной страны.

Невозможным правят миром,
невозможную страной,
только мойте шею мылом,
будете и вы такой.

Будет и у вас в бойницах
миллион таких стрелков,
будет и у вас в темницах
миллион таких врагов.

Будет царская охота
и такой кровавый сок,
поздним вечером с работы
возвратится паренёк.

* * *

Коробку макарон купила,
четыре огурца и пиво,
сейчас сварю я макароны
в кастрюле новенькой, тефлонной.

Всё есть в наличии. Кипит и
бубнит вода, потеет рама.
Приятного мне аппетита
в вечерней кухне, мама, мама.

* * *

Заболеть бы и в слезах горячих
вновь увидеть всех, кого люблю:
Таню, что роняла в речку мячик,
и бычка на стареньком мосту.

В этом долгом сне перед закатом
чтобы в окнах – дикий виноград,
чтоб сидела мать на стуле рядом
и отец шептал бы: виноват.

В том, что на работе задержался
и опять домой не позвонил,
и в кульке принёс красивый красный
по дороге собранный кизил.

В САДУ

Вот дерево большое, солнценосное,
исполненное света и огня,
вот яблоко, покрытое, как оспою,
насечками сухого октября.

Возьми в ладони яблоко зелёное,
чьи косточки прозрачны, словно дни,
в нём небо белое с землёю чёрною
вдохни на миг и снова выдохни.

Пока всё тускло в мире навсегда ещё,
бессмысленные тучи, небосклон,
есть мир другой, по правилам играющий,
как в кубике циркония – огонь.

И если слышу я все ливни с ветрами
в две тысячи шестнадцатом году,
то это юность яблоками бледными
над миром покатила в пустоту.

* * *

Обойдёмся ли без драмы,
без литературной дамы,
у которой век в речах
слёзы, школьные программы,
и февраль, и Пастернак?

Без истерики вот этой
над дрожащей сигаретой,
той, что пудрила мозги,
без тоски вот этой смертной,
без февральской злой пурги?

Пусть уж так – немного бури,
в окружающей природе
ёлки-палки, лес густой.
На кладбище нервно курит
литератор с бородой.

* * *

Некрасивый возраст переломный,
в грязном снеге чёрные грачи,
Пастернак, в сто первый перечтённый,
в комнате скрывайся и молчи.

Намычи в оконную решётку
цокольного, скажем, этажа
про каким-то взятую пролётку,
в сто второй ликуя и дрожа.

Повтори ты, луковое горе,
в возрасте позора и чп,
в заговоре этом заговоре
против комсомола и т.п.

Белой ватой затыкают уши
под горячей крови заговор,
стих ложится на босую душу,
словно снег на законный двор.

Валя, Валя, Валя, Валентина,
что с тобою, господи, стряслось,
что ты залетела, как в повидло,
сердце одинокое насквозь.

И скрываешь то от прочих школьниц,
что тебя, порвав на сто кусков,
укрывает телом комсомолец
после школы, после всех кружков.

* * *

В лабиринтах тоски полусумеречной
среди прочих бессмысленных глаз,
вдруг мелькает она в жизни будничной
где-то там на минуту, на час.

Перешагивай чёрные трещины,
в суеверья любые поверь,
где плафоны летают средь вечера,
красоту на минуту примерь.

Это та же она под плафонами
в увеличенном свете стоит
и глазами раскосо зелёными
так глядит, что вдруг хочется жить.

Вероятность любви и сближения
будет невероятно мала,
но поверь на минуту, поверь в неё
лишь за то, что была, не была.

* * *

Я люблю простое имя
лёгкое твоё,
потому что в нём, как в дыме,
всё и ничего.

И бессмысленное время
так с тобой течёт,
будто в солнечном сплетенье
паучёк плетёт.

И, покуда вечность длится,
мне желаний верх,
чтобы пел мне голос чистый
про любовь и грех.

Без конца и без начала
пел бы, чуть дрожа,
чтобы в небо улетала
глупая душа.

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Памяти Т.С. Элиота

Там, где мебелью печь за отсутствием угля топили,
в четырёх стенах этих лет, вы так медленно жили,
уходила любовь, каблучками стучала так глухо,
как игла по пластинке в конце самолётного звука.

Снова в эркерных окнах спокойное серое небо,
самолёты летят из Берлина куда-то в Алеппо
и ныряют солдатики голыми в море на Кипре,
в Элизейских полях, верно, души всех тех, кто погибли.

Молодая весна раздаёт всем и вся свои роли,
снова пчёлы вернулись на бледные желтофиоли,
долгожданна природа в щелях и обломках бомбёжек,
тишина абсолютна вдоль чёрных, разбитых дорожек.

По-другому она абсолютна... Как после налёта
и когда в небесах удаляется звук самолёта,
и петляет река посреди безоглядья, бесснежья,
в облаках – облака по-другому летят, безмятежно.

В безмятежности будет сирень у кирпичной ограды,
журавли возвратятся. Так что ещё, Господи, надо?
Если так изнурительно тянутся эти концерты,
где четыре квартала лежат, как четыре квартета,

если сызнава облагороженный новым убранством,
мир, который убили, вернулся прекрасным,
если в церковь вошли молодые жених и невеста,
значит, эта война раз – и вышла вдруг вся наконец-то.

Анна Виноградова¹. «Солнце». Акварель, тушь. 25х35 см. 2018 г.